

Ольга Проскурова-Тимофеева

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ДЕТСКАЯ КНИГА 1920–30-Х ГГ. В КРИТИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РИЖСКОЙ МЕЖВОЕННОЙ ПЕРИОДИКИ)

В статье представлен анализ критических публикаций о детской литературе в межвоенной рижской русской прессе. В русскоязычной печати Латвии 1920–30-х гг. книги для детей удостоивались внимания газетных обозревателей сравнительно редко: о важной роли чтения в жизни юного поколения писалось по случаю приближающихся праздников, напр., Пасхи или Рождества. Чаще всего критики предлагали обзоры книгоиздательской деятельности в центрах русской эмиграции (Берлин, Париж): с середины 1920-х гг. высказывалась озабоченность денационализацией юного поколения русских эмигрантов, подчеркивалась недостаточность усилий по распространению детской книги в русском зарубежье. Отношение рижских критиков к детской литературе из СССР представляло собой движение от резко отрицательного в начале 1920-х гг. к благосклонному в конце исследуемого периода: вплоть до середины 1930-х гг. творчество советских авторов рассматривалось с позиций, противоположных идеологии большевизма, с середины 1930-х гг. наблюдалось постепенное расширение рекомендательных списков советских детских книг. Неизменной благосклонностью рижской критики пользовался К. И. Чуковский. Местным русским авторам, писавшим для детей, обозреватели популярных рижских газет почти не уделяли внимания. Это объяснялось объективно малым количеством оригинальных изданий для детской аудитории. Однако, такое игнорирование критикой локальной детской литературы могло также способствовать незаинтересованности в производстве книг для детей со стороны русских литераторов, осевших в Риге после исхода из революционной России.

Ключевые слова: критика детской литературы, русская детская литература эмиграции, межвоенная Латвия, межвоенная Рига, П. Пильский, К. Чуковский, газета «Сегодня».

Ольга Валерьевна Проскурова-Тимофеева
Латвийский университет
Рига
olga.proskurova@gmail.com

Детская литература на русском языке в независимой Латвии 1920–30 гг. представляла собой уникальное инклюзивное пространство. В каталогах публичных и домашних библиотек и на прилавках рижских книжных магазинов присутствовали русские и переводные сказки, русская классика, популярная дореволюционная литература, переводы зарубежной приключенческой прозы. В обзорах детских книг в рижской межвоенной прессе — порой друг за другом — шли отзывы на новинки детского книгоиздания русского зарубежья, советские детские книги, локальную литературу для детей (т. е. оригинальные произведения авторов, которые проживали в Латвии и писали по-русски, а также переводы детских произведений латышских писателей на русский язык). И все же литература для детей удостоивалась внимания рижских критиков редко.

«Дважды в год мы вспоминаем о них»

В русской печати межвоенного периода о важности книги в жизни юных рижан вспоминали «по случаю». Обычно книжные обзоры становились актуальными накануне Пасхи, Рождества или в связи со специальными мероприятиями, напр., Днем ребенка, Днями русской культуры. Критики составляли подобие рекомендательных списков — какую книгу подарить ребенку на праздник. Важным признавалось не только содержание, но и внешний вид «подарка». Чаще всего внимание газетных обозревателей привлекала книгоиздательская деятельность центров русского зарубежья (Берлина, Парижа), в то же время неизменно подчеркивалась недостаточность усилий по распространению русской детской книги за рубежом. Отзывы о детской книжной продукции публиковала «магистральная» русская пресса Риги: издания влиятельного печатного дома «Сегодня» (газета «Сегодня», журнал «Для Вас») и — реже — акционерного общества «Саламандра» (газета «Слово», журнал «Перезвонь»)¹. «Периферийные» издания-однодневки, которые регулярно появлялись на газетном рынке межвоенной Латвии, даже имея рубрики «Библиография» или «Книжная полка», как правило, детскую литературу игнорировали.

В предрождественском номере рижской ежедневной газеты «Сегодня» в 1921 г. Петр Пильский — ключевая фигура в формировании литературно-критической повестки межвоенной русской Риги — сетовал: «Вот на днях наступают праздники. Это будет воистину „неделя о детях“. Что же для них сделали? Елки? Да! Свечи? Да! Хлопушки? Да! Заяц с барабаном, который ему, между прочим,

абсолютно не нужен? Да! Ну а еще? А еще... Я чуть было не написал: „Ничего“» [Пильский 1921, 2].

В однократном восьмистраничном приложении к газете «Рижский курьер», приуроченном ко Дню ребенка в мае 1922 г., — «Наше будущее», редактор Л. Кормчий писал²:

Русские дети сейчас живут без книги. Почти без книги. <...> После разрухи, внесенной в жизнь Латвии (особенно Латгалии) большевиками, так вредно отразившейся на душах подрастающего поколения, мы должны обратить особое внимание на усиление средств нашего воспитательного арсенала. <...> Теперь в эти дни, служащие напоминанием нам о наших обязанностях, мы должны вспомнить и о детской книге. Должны постараться снабдить наших детей материалом для чтения, удовлетворить их духовный голод [Л. К. 1922, 7].

Авторитетный исследователь русской эмиграции М. Раев отмечал, что

один из видов литературы, имевшей колоссальное значение для воспитания детей в дореволюционной России, — журналы и книги, адресованные юному поколению, — как ни странно, почти отсутствовал в русском зарубежье. <...> Для большей части русских эмигрантов было проблемой купить ежедневную газету или ежеквартальный журнал, не говоря уже о книге. Вспомним также, что молодежь составляла незначительный процент населения, и издатели не могли рассчитывать на большой рынок изданий для юношества [Раев 1994, 70].

Напротив, статистические данные о состоянии русского книгоиздания за рубежом, обобщенные А. А. Димьяненко, говорят о том, что «несмотря на большие финансовые трудности и отсутствие постоянной издательской базы, практически все издательства русского зарубежья участвуют в выпуске детских книг. Некоторые издательства в процентном соотношении издают примерно 50 % детских книг из всей книжной продукции» [Димьяненко 2018, 25].

О количественно богатом предложении со стороны издательств говорилось и в объемном обзоре «Русская книга на чужбине» от берлинского корреспондента рижской газеты «Сегодня» в мае 1922 г.:

Берлин является сейчас центром русского книжного дела в эмиграции. В минувшую зиму возникло около 40 русских книгоиздательств.

<...> Что читают? Особый эмигрантский характер берлинской книжной торговли определяется той огромной ролью, которую играет политическая литература при почти полном отсутствии специальных и научных книг.

В эмиграции, однако, есть свои Вербицкие и Брешковские. Большим спросом, как всегда, пользуется «ванькина литература». <...> В библиотеках — очереди на Краснова. <...> Клубничка имеет спрос и в эмиграции. Перечитывают классиков и старых авторов. Требуют новую беллетристику и стихи. Интересуются новыми писателями — Куприн, Бунин, уже «старики». <...> Старое петербургское издательство Девриена выпустило русские сказки для детей по старой и новой орфографии. Книжки по старой орфографии печатаются уже третьим изданием, новая же орфография лежит на складе нераспечатанной [Русская книга на чужбине 1922, 3].

Автор статьи акцентировал пристрастие русской эмиграции, которая находилась в тяжелейших обстоятельствах, к повседневной практике чтения («эмиграция, голодная, холодная, живущая сегодняшним, безрадостным, днем читает запоем») и повышенный интерес к традиционной русской сказке («третье издание в старой орфографии»).

Бойкое детское издательское дело в начале 1920-х гг. и «особенная любовь к сказкам» описывались и в первом номере журнала «Русская книга», вышедшем в Берлине: «Кто из беженцев с удовольствием не раскрывал купленную для сына книжку сказок и не зачитывался ею и не забывал свою горькую, бездомную, сиротливую жизнь беженца» [Яценко 1921, 6]. О популярности сказок также говорилось в отчете Комитета Русской книги, опубликованном в 1924 г.: «Почти все фирмы выпустили целиком или частями сказки Афанасьева, Пушкина, Андерсена, Гриммов, Гауфа в роскошных и скромных изданиях, изданы и народные сказки, русские и других народов» [Бобринская 1924, 110].

Общеэмигрантские тенденции книгоиздания для детей не оставались незамеченными рижскими книжными обозревателями. Так, например, критик В. Л. в статье, напечатанной в газете «Сегодня» перед Рождеством 1923 г., писал: «совершенно новых книг и новых авторов почти не появилось. Творчество в области детской книги как будто иссякло. <...> Зарубежное русское издательство за 2–3 года своего развития и процветания сделало довольно много для воссоздания русской детской книги. Но результаты все же недостаточны и не удовлетворяют существующего спроса» [В. Л. 1923, 5].

В этой обзорной статье автор скрупулезно перечисляет, что издано и чего не хватает на детском книжном рынке русского зарубежья:

Хуже обстоит дело с книгами для детей среднего возраста. Из старой любимой литературы переизданы немногие произведения: Марк Твен «Принц и нищий», Бернетт «Маленький лорд Фаунтлерой», Дефо «Робинзон Крузо», несколько повестей Желиховской и Клавдии Лукашевич, несколько романов Купера. Сюда нужно отнести также и сборники Саши Черного («Радуга», «Русские поэты для детей»), а также произведения одного из новых детских авторов М. Первухина «Дьяволзтто», которое, впрочем, подходит и для младшего возраста. Для детей от 12 до 16 лет издано еще меньше, чем для детей среднего возраста. В издательстве «Слово» вышли специально для детского чтения сборники и сочинения Жуковского, Тургенева, Достоевского, Толстого и Чехова. Впрочем, многие родители предпочитают дарить своим детям этого возраста полные собрания русских классиков или отдельные томы, часто не считаясь, насколько они подходят для детей 12–13-летнего возраста. Следует отметить, что любимое чтение мальчиков старшего возраста, именно романы приключений (Майн-Рид, Буссенар, Густав Эмар) не переизданы, так же, как и не менее любимое чтение русских девочек, повести Чарской. Нужно ли об этом жалеть со стороны литературно-педагогической — вопрос другой. В общем, нужно сказать, что несмотря на все революции и перевороты, молодая публика оказалась, в общем, консервативной и в смысле содержания, и в смысле иллюстраций. Книжки, иллюстрированные декадентскими художниками, иногда очень талантливыми, определенно не имеют успеха у малышей. А дети, более старшие, настойчиво желают читать то, что читали лет 20–25 назад [В. Л. 1923, 5].

Автор отмечает переиздание сказок, большое количество книг для детей младшего возраста и почти полное отсутствие литературы для детей среднего и старшего возраста: «скудность в области детских книг такова, что при всех недостатках дореволюционной детской литературы, она в смысле богатства и возможности выбора, представляется теперь, как некий потерянный рай, о возвращении в который в близком будущем нечего и думать» [В. Л. 1923, 5].

В. Л. — это, вероятно, В. И. Линковский, постоянный автор рижской газеты «Сегодня» в начале 1920-х гг.; в те же годы он посылает регулярные отчеты о состоянии книжного рынка Латвии в берлинские специализированные журналы «Русская книга» и «Новая русская книга». Так в 1921 г. Линковский рапортует, что русская книга зарубежья представлена в Латвии слабо,

организованного ввоза книжной продукции из СССР тоже нет, «антикварная торговля русской книгой почти безраздельно господствует на латвийском рынке», дети предпочитают Л. Чарскую, Ж. Верна и «приключения сыщиков» [Линковский 1921, 15]. В начале 1922 г. тот же рижский корреспондент констатирует, что зарубежные русские книги начинают завоевывать позиции в Латвии [Линковский 1922, 33–34]. Спустя полгода он отмечает, что новым берлинским издательствам удалось полностью поменять расстановку сил на книжном рынке Латвии, современные издания начали вытеснять антикварные книги: «Даже писателей еще не забытых публика предпочитает в новых изданиях, ибо старое произведение, но изданное за границей и напечатанное непривычным шрифтом, все же производит впечатление чего-то нового. Этот психологический момент очень важен» [Линковский 1922а, 25].

Состояние детской книготорговли в предрождественскую неделю 1924 г. описывает автор «Сегодня» Н. Н. Т.:

Можно ли получить подходящую для подарка русскую детскую книгу? <...> Жаловаться на полное отсутствие в Европе русской детской литературы не приходится. Многие старые русские издательства перекочевали за границу и продолжают свое дело. Многие издания, вышедшие в последние годы и по содержанию, и по внешности могут быть отнесены к лучшим высоко художественным образцам детской литературы. Переизданы и многие старые популярные книги [Н. Н. Т. 1924, 6].

Автор перечисляет детские книги, изданные, в основном в Берлине. Это, прежде всего, сказки, русская классика и переводная приключенческая литература. Наряду с этим отмечен «Детский остров» Саши Черного с иллюстрациями Бориса Григорьева:

Но вот перед нами уже и толстая книга в целых 158 страниц. Иному карапузу и трудно будет ее и взять. Но удовольствие детишкам она доставит большое. Это «Детский остров» Саши Черного (издательство «Слово»). Рисунки углем сделаны таким большим мастером, как Борис Григорьев. «Человечики», «коровки», «коттики», начертанные Григорьевым, прекрасно улавливают детскую психологию и детские способы воображения предметов [Н. Н. Т. 1924, 6].

В обзоре детской книги от издательств русского зарубежья перед Рождеством 1925 г. латвийский русский писатель Андрей Задонский, снова обращая внимание на большой ассортимент сказок и переизданий литературы для младшего возраста, повторил

вопрос, что читать детям постарше: «Для детей, владеющих только русским языком, книжные новинки Запада недоступны, а русских „повестей для юношества“ нет. Их смело время» [Задонский 1925, 6].

В те же годы сильный эффект в интеллектуальных кругах русского зарубежья произвела публикация отрывков из сочинений учащихся русской гимназии в Моравской-Тршебове в Чехословакии³. Об этом свидетельствовала небывало объемная рецензия Аркадия Аверченко, печатавшаяся в рижской газете «Сегодня» (два больших «подвала» в двух номерах подряд) в 1924 г. и имевшая говорящий заголовок «Страшная книга»:

Детской бытописательнице Лидии Чарской и во сне бы не приснилось написать так просто и правдиво: «Я так узнала революцию. В маленький домик бросили бомбу. Я побежала туда. Все осыпалось. В углу лежала женщина. Рядом ее сын с оторванными ногами. Я сразу сообразила, что нужно делать. Послала маленького брата за извозчиком, перевязала раненых, как могла, и увидела рядом большой короб. Открыла. Там была масса маленьких цыплят. Боже, что это за прелесть. Я успела их погладить и всех перецеловать». <...> Вот вам «классные сочинения на темы наших дней». Это не «изображения зимы в соч. А. С. Пушкина» и не «О пользе стекла»! <...> Лидия Чарская! Теперь вы — бедная. Что вы можете написать для детей, когда они видели в 11 лет — и «расстрелы, и повешение, утопление и даже колесование», когда девочки пасли лошадей, «хотя это и было очень трудно». Новые дети новой России! [Аверченко 1924, 2–3; Аверченко 1924а, 2].

Авторы сочинений, которые цитировал Аверченко, не читали книг. То, к чему маленькие изгнанники применяли в своих текстах категорию чтения, — это расстрельные списки родителей, последние послания убитых («На улице я прочел список расстрелянных, там был отец»; «Когда большевиков прогнали, я обошла неузнаваемые комнаты моего родного дома. Я читала надписи расстрелянных, сделанные в последние минуты» [Аверченко 1924, 2–3]). Чтение книг упоминается лишь в одном из цитируемых детских воспоминаний в обзоре Н. А. Сурикова из сборника статей под редакцией В. В. Зеньковского: «Кровавый режим, ужасное время расстроили меня: я стал очень нервен и раздражителен. Я не могу читать современных книг; мне кажется, что с ними я повторяю кровавую страницу русской истории» [Зеньковский 1925, 122].

В рижской статье Аверченко сомневался в соответствии привычной детской литературы (в лице «бедной» Лидии Чарской) и

общепринятых практик преподавания словесности («изображения зимы в соч. А. С. Пушкина») новому времени, новой ситуации: что может предложить русская литературная и педагогическая традиция «новым детям» — детям, видевшим «расстрелы и повешение»? Схожими вопросами задавался и обозреватель журнала «Перезвоны», отзываясь на сборник Зеньковского в 1926 г.: «...каковы эти дети? Что чувствуют? Чем живут? Каковы их идеалы? И... что мы делаем для них?» [Немо 1926, 314]⁴.

В декабре 1930 г., в предисловии к анкете «Что читать детям», автор газеты «Сегодня» Н. Городецкая рассуждала: «Рождество — праздник детей. Дважды в год мы вспоминаем о них — в эти дни и еще на Пасху. Сейчас над вопросом о детских играх и, особенно, детских книгах приходится задуматься серьезней, чем когда-либо: не говоря уже о самом характере наших дней, их нервности, внутренних переломах, беге событий. . . » [Ремизов, Черный, Городецкая 1930, 8]. В этой анкете известные писатели русского зарубежья — Алексей Ремизов («автор только что вышедшей книги „сказок“ „Посолонь“»⁵) и Саша Черный («автор целого ряда прекрасных детских книг») — высказывали суждения о том, изменился ли вкус детей в выборе книг и что требуется от современной детской литературы.

Ремизов рекомендовал «лучше всего брать для детей не то, что написано „для детей“, а то, что ни для кого не предназначалось, но и не могло не быть написано, и потому вышло для всех — и для детей, и для взрослых. Аксаков, Толстой, Гоголь, Достоевский» [Ремизов, Черный, Городецкая 1930, 8].

Саша Черный утверждал, что вкусы детей «необычайно консервативны»:

<...> Хорошая детская книга чрезвычайно устойчива. Новый маленький читатель ведь ничего еще не читал. Поэтому для него нет «старых» книг, — с таким же увлечением, как его дед и отец, он прочтет «Конька-Горбунка» и сказки Андерсена, Пушкина, Гофмана и «Робинзона», и «Хижину дяди Тома»... Начнешь пересчитывать и переберешь всю классическую детскую литературу. А дети постарше, конечно, придут к старому Жюльо Верну, Стивенсону, Майн-Риду и Куперу. Из вышедших в эмиграции книг — отчасти новых, отчасти переизданных — можно указать: книгу И. Шмелева «Как мы летали», стихи Моравской «Апельсинные корки», «Рассказы для детей» А. Куприна и... повесть А. Н. Толстого «Детство Никиты». Повторным изданием вышли также (для детей постарше) «Гимназисты» А. Яблоновского и

«Детство Темы» Гарина. Ряд новых детских книг выпущен и автором этих строк [Ремизов, Черный, Городецкая 1930, 8]⁶.

В 1935 г. в обзоре «Книжный прилавок перед Рождеством» отмечалось: «Многое изменилось за последние годы во вкусах и нравах людей. Но трудно себе представить, чтобы когда-нибудь изменились рождественские традиции в христианских странах. Приближение Рождества сказывается задолго до праздника в детских разговорах, мечтах и надеждах. Нет ребенка, которому среди других подарков не была бы приготовлена одна, а то и несколько книг» [Галицкая 1935, 11]. Примечательно, что наряду с уже привычными названиями детских книг — традиционных подарков к Рождеству — в списке зимних рекомендаций 1935 г. значились и тексты советских авторов.

«Документы большевицкой земли»

Обзоры советской детской литературы на страницах магистральной рижской русской прессы публиковались с меньшей регулярностью, чем обзоры детского книгоиздания в центрах русского зарубежья. Порой они являлись частями одной общей статьи, посвященной книжным новинкам. Примечательна тональность этих заметок: если в начале 1920-х гг. отношение к детской литературе из СССР было весьма настороженным, то постепенно тон рижских критиков смягчался, а с середины 1930-х гг. они начали включать детские книги советских авторов в рекомендательные списки — наряду с произведениями русских классиков и писателей эмиграции. Крупные рижские книжные магазины (напр., «Вальтерс и Рапа»), рекламировали поступления из Советского Союза; латвийское издательство «Граматы драугс» специализировалось на перепечатке советской литературы.

В мае 1920 г. газета «Сегодня» опубликовала заметку под названием «Книжный голод». В ней отмечался большой спрос на русскую книгу при общем дефиците книжной продукции в начале 1920-х гг.:

Книжный голод превращается в бедствие, чрезвычайно вредящее делу народного просвещения. С одной стороны, огромное вздорожание книг, а с другой, часто полное отсутствие на рынке нужного кому-нибудь сочинения. <...> Мародерство некоторых книгопродавцев достигло пределов наглости. Если, не купивши сегодня приторгованной вами книги, вы зайдете за ней завтра, то вместо 25 руб. за нее спрашивают уже 50 руб. [Книжный голод 1920, 4].

Зимой 1923 г. упоминавшийся выше обозреватель газеты «Сегодня» В. Линковский констатировал:

С 1917 г. по 1921 г. издание детских книг на русском языке почти совершенно приостановилось и возобновилось лишь в 1921 г. в виде двух совершенно изолированных групп: одной в Сов[етской] России, другой в зарубежном Берлине и других центрах русской эмиграции. Общее обеих групп при всем различии условий издательства то, что совершенно новых книг и новых авторов почти не появилось. Творчество в области детской книги как будто иссякло. В Сов[етской] России оживление издательского дела, созданного НЭП-ом, не отразилось на детской книге. Переиздание старого, ухудшенного плохой бумагой, скверной печатью и неважными репродукциями, — вот и все [В. Л. 1923, 5]⁷.

В декабре 1925 г. газета «Сегодня» в разделе «Книги» в ряд заметок о книжных новинках года поместила большой обзор детской литературы в СССР со ссылкой на пражский журнал «Русская школа за рубежом». В нем отмечалось укоренение идеологической составляющей в советской детской литературе:

Детская литература в Сов[етской] России находится под прессом общих цензурных условий. <...> Меньше всего пострадали вышедшие в эти годы сказки и фантастические рассказы — 300 названий. Переизданы русские народные сказки, целыми сборниками и отдельными выпусками, сказки Жуковского, Пушкина, Гаршина, «Кота-Мурлыки». Из переводных — сказки Андерсена, Гримма, Гауфа, Лабуле, Перро и др. Некоторые сказки изданы очень хорошо, с иллюстрациями Кустодиева, Анненкова, Чехонина и др. <...> Наряду со старым сказочным материалом появились уже и новые фантастические рассказы-сказки. Детская сказка тоже используется для агитации. <...> Из 700 названий, переизданных русских до 60 проц., переводных — 30 проц. Книг совершенно новых очень мало; но очень многие старые книги, особенно сборники, приспособлены к новым советским требованиям. Среди новых книг больше всего — агитационные сказки и рассказы из последних лет революционной жизни в России [Детская книга в Советской России 1925, 6].

Анонимный автор обзора, однако, отмечал высокое качество книг издательства «Радуга»:

Три года назад в Петербурге образовалось частное издательство «Радуга» для издания детских книжек. Это несомненно наилучшее издательство и многие книжки заслуживают внимания и за рубежом

Сов[етской] России. Наиболее нравятся детям книжки К. Чуковского («Мойдодыр», «Тараканище», «Мухина свадьба»), Е. Полонской «Зайчата» и другие [Детская книга в Советской России 1925, 6].

Отдельно в обзоре отмечена детская периодика («Искорка», «Мурзилка», «Новый Робинзон», «Барaban», «Пионер», «Юные строители»):

Детские журналы, выходящие в Сов[етской] России, еще больше отражают на себе обязательные для советской литературы требования, чем другие виды изданий для детей [Детская книга в Советской России 1925, 6].

В то же время в рижской газете «Слово», конкурировавшей с «Сегодня», известный в русской Риге журналист Николай Бережанский (наст. фамилия Козырев) негодовал по поводу вышедшей недавно в СССР поэтической хрестоматии. Его острокритическая статья носила название «Плевков в детскую душу»:

Коммунистическое свинячество с революционным колпаком на свинном «пятакке» грубо опрокинуло вековые традиции и, обездолив детей материально, опустошило и детскую душу. <...> Госиздатом только что выпущена отвратительная и невежественная, непревзойденная по своему «планетарному» цинизму книжка «В помощь красной школе», наполненная богохульством, гнусным рычанием на все святое и великое, половым бесстыдством, дикой жадой разрушения и садической ненависти к людям [Ник. Бережанский 1925, 3].

Далее автор цитировал стихи «озверелого садиста» «некоего Мариенгофа» и «одержимого бесстыдным непотребством» С. Есенина, заключая: «Из чувства омерзения я не могу продолжать дальше цитирования этой тошнотворной литературы гаеров и падших душ. <...> О, милый, прекрасный традиционный рождественский рассказ с замерзающим мальчиком, столь много и облыжно высмеянный зоилами, позабывшими свое золотое детство! Разве он был так плох?» [Ник. Бережанский 1925, 3]⁸.

Осенью 1926 г. рижская газета «Сегодня» начала беспрецедентную серию публикаций. На ее страницах печаталась советская детская повесть — «Дневник Кости Рябцева» Николая Огнева⁹. Главный редактор рижского издания Максим Ганфман посвятил началу публикации передовицу под заголовком «Правда», размещенную на первой полосе номера:

Правда о Сов[етской] России, о советском быте, о сов[естких] нравах. Как ни стараются ее скрыть, затемнить, она выходит наружу и при том тем путем, против которого бессильны все большевицкие цензуры. В Сов[етской] России не иссякло художественное творчество. Беллетристы, живущие в Сов[етской] России, одарены талантом, а художественный талант сам по себе немислим без художественной правды. Как ни стараются сов[етские] беллетристы приспособиться к цензурным тискам, как они ни прихорашивают своих произведений по требованиям большевицкого литературного канона, подлинная жизнь, подлинныи сов[есткие] образы, подлинныи нравы выпирают из сов[етской] беллетристики. <...> Такая правда чувствуется в том произведении, которое мы сегодня начинаем печатать на страницах «Сегодня». Это «Дневник Кости Рябцева», принадлежащий перу Н. Огнева и помещенный в только что полученном номере сов[етского] журнала «Красная новь». Мы не знаем в точности — является ли этот дневник только обработкой действительных записей сов[етского] школьника или же Огнев внес кое-что свое, художественно воспроизведши свои наблюдения над большевицкой школой. Дело от этого не меняется. «Дневник Кости Рябцева» производит впечатление подлинного, человеческого документа. Так на него смотрела, по-видимому, редакция большевицкого журнала. Она дала место «Дневнику» не в отделе художественной беллетристики, а в отделе «От земли и городов». «Дневник» — это документ большевицкой земли, документ большевицкого народа, большевицкого царства [М. Г.-н. 1926, 1].

Если «Сегодня» в середине 1920-х гг. опубликовала «документ большевицкой земли» в разоблачительных целях, то в 1937 г. Министерство внутренних дел Латвии из соображений безопасности внесло выпущенный местным издательством в 1928 г. «Дневник Кости Рябцева» в список запрещенной на территории страны литературы [Распоряжение 1937]¹⁰.

В сентябре 1930 г. в латвийской столице открылась выставка советской детской книги¹¹. Эта передвижная выставка, прибывшая в Ригу из Ревеля (сейчас Таллин), удостоилась внимания местной прессы как на русском, так и на латышском языке. Но если латышские корреспонденты отнеслись к выставке с любопытством¹², то обозреватель газеты «Сегодня» Г. М. остался настроенным критически. Его статья «Мамзель Фрикассэ на одном колесе. Советская пропаганда под флагом выставки детской книги» заняла полполосы:

В помещении 4-ой латышской школы открылась выставка советской детской книги. Приехала эта выставка не прямо из России, а из Ревеля.

Латвийская цензура не допустила на выставку всех привезенных книг. Эти запрещенные книги в особой комнате доступны для педагогов и других лиц, имеющих то или иное отношение к детской книге. Но и без запрещенных книг выставка весьма наглядно говорит, что суть дела вовсе не в просвещении, а в пропаганде достижений советской власти. <...> В запретной комнате нет ничего интересного. Там лежат, главным образом, такие детские книги, от обложек которых уже разит пропагандой. Например: «Что нужно знать детям о Ленине», «Мы победим» и другие [Г. М. 1930, 8].

С середины 1930-х гг. тон рижских книжных обозревателей начал меняться. Так Петр Пильский под псевдонимом П. Трубников под Рождество 1934 г. рекомендовал обратить внимание на умение советских писателей разговаривать с детьми:

Для младшего возраста СССР дал стихи и рассказы Маршака, Чуковского, Барто, Виталия Бианки, Ильина. Известность Маршака не преувеличена. Детям он посвятил немало труда, дал им ряд талантливых книжек. Широким распространением пользуются «Крокодил» Чуковского и его «Мойдодыр». Там, в стране советов, к ним относятся не совсем благосклонно, — поучительные и не без забавности рассказы Чуковского считаются «буржуазными».

Иногда можно и должно принести дань справедливости и советским издательствам. Там авторы стараются говорить с детьми понятном языком, избегают трудных слов, — совсем не легкое дело, не так просто выполнимая задача. <...> Их стих легок, запоминается без труда, остается на слуху и в памяти, быстро заучивается наизусть, не затрудняет маленького читателя. Наглядные рисунки — все в ярких красках — ...хорошо исполнены такими художниками, как Лебедев, Цехановский и Чарушин. Может быть, не совсем ожидаемо в число изданных детских книг попал знаменитый и неувядаемый «Конек-Горбунук» Ершова [Трубников 1934, 3]¹³.

В преддверии 1936 г. в предрождественском обзоре детских книг журнал «Для вас» также уделил внимание советским книгам для младшего возраста: «Русские отделы в крупных книжных магазинах Риги разложили на своих прилавках заманчивые книги для детского и юношеского возраста. Для малышей преобладают веселые книжки Чуковского и Маршака» [Галицкая 1935, 11]. А в апреле тот же журнал «Для вас» в серии очерков «Как живут женщины в СССР» опубликовал несколько стихотворений Агнии Барто с комментарием корреспондента: «Я взял книгу. На хорошей плотной бумаге были изображены заяц под проливным дождем, самолет с ребятишками, грузовик, упавший в канаву, а из него, задрав

хвост, удирающий кот, лошадь, корабль, шенок, бычок и слон и т. д. Под каждым из них написаны стихи, объясняющие картинку... Стихи были очень милы...» [Никдель 1936, 20].

На рождественском книжном развале 1939 г. Пильский советовал приобрести уже не только привычных Чуковского и Маршака, но и других советских авторов. В списке рекомендаций впервые, в числе прочих, появились обэриуты: «Приятное впечатление произведут „Детки в клетке“ [Маршака], „Лесные домишки“ Бианки, его же „Маленькие рассказы“. Заняты „Кружечка под елочкой“, „Наши ясли“, „Шенок и котенок“ А. Введенского» [Пильский 1939, 4]¹⁴.

В марте 1940 г. газета «Сегодня» отдельной статьей без специального комментария для рижской аудитории разместила пересказ хвалебной рецензии Чуковского на новую пьесу Льва Кассиля «Брат героя» из советской газеты «Правда»: «Очень редко хорошие авторы пишут для детей — это, кажется, общее правило для всех стран и народов. К. Чуковский с особым удовольствием отмечает 3-актную пьесу Льва Кассиля „Брат героя“... Судя по пересказу К. Чуковского, пьеса действительно может заинтересовать, увлечь публику, для которой она предназначена» [Дети на сцене и в зрительном зале 1940, 6].

Очерченная выше траектория отношения влиятельных рижских критиков к советской детской литературе демонстрировала движение от настороженного к благожелательному. Вплоть до середины 1930-х гг. в магистральной русской рижской прессе творчество советских авторов рассматривалось с противоположных большевизму идеологических позиций¹⁵. Исключение составляли книги ленинградского издательства «Радуга». Неизменной благосклонностью, основанной, в том числе, на давних добрых отношениях автора с главным русским литературным критиком Риги П. Пильским, пользовался К. Чуковский. Вероятно, в связи с изменениями в политической жизни Европы и в отношениях между Латвией и СССР (в 1939 г. был подписан двусторонний договор о взаимопомощи) конец 1930-х гг. отмечен ослаблением критического накала в отношении советской детской литературы и расширением рекомендательных списков детских книг из Советской России.

«В виду отсутствия в Латвии русской литературной жизни...»

В упомянутом выше масштабном библиографическом исследовании А. А. Димьяненко собраны доступные на сегодняшний

день сведения о детском книгоиздании русского зарубежья. Шестая часть всех наименований — а это более 120 книг — издана в Риге. Однако подавляющее большинство латвийских изданий — это учебные пособия, азбуки, буквари, хрестоматии [Димьяненко 2018]. Немногочисленные сборники сказок и загадок, переиздания русской классической литературы, редкие перепечатки довоенных и советских книг для детей терялись на фоне учебной литературы на русском языке.

Малочисленны еще две группы «целевых» детских книг — это оригинальные издания русских писателей межвоенной Латвии и переводы детских произведений латышских авторов на русский язык. К последним и вовсе относятся лишь два издания переводов сказок латышского писателя Карлиса Скалбе, составленных В. Гадалиным (наст. фамилия Васильев) [Скальбе 1924; Скальбе 1929].

Известный рижский поэт Виктор Третьяков, представляя обзор русской литературы в сборнике «Русские в Латвии» (Рига, 1934), так описывал локальную литературную ситуацию: «В виду отсутствия в Латвии русской литературной жизни, можно говорить лишь о том, как отражается здесь русская художественная литература» [В. Т. 1934, 110]. Вероятно, с этим соглашались и рижские критики, поскольку отклик, который получали и так редкие детские книги, изданные в Риге, был весьма скромным.

Если книги В. Гадалина, Н. Гудкова, Л. Кормчего рижская магистральная пресса практически не замечала, то поэма для детей В. Третьякова «Дед Лесной», опубликованная под Рождество 1937 г., была отмечена отдельной рецензией:

Новая его [Третьякова] вещь — сказка для детей «Дед Лесной» написана легким и музыкальным стихом, о котором дают понятие хотя бы следующие строки:

Скучно в городе живется,
Не шалится, не поется,
Белка там не пробежит,
Гриб под елкой не сидит,
Не поет шегол на ветке,
Не совет гнезда в беседке,
Не растет там сам собой
Колокольчик голубой.

Забавное содержание сказки, живые характеристики, юмористическое изложение создали ей успех при чтении автором в русских школах

Риги. Интерес этой сказке придает еще то, что она иллюстрирована самим автором, рисунки которого вполне соответствуют живому и яркому стилю сказки [В. 1938, 8].

Примечательно, что о чтении сказки «Дед Лесной» в одной из рижских школ газета «Сегодня» сообщала еще в октябре 1930 г.¹⁶. Это дает возможность предположить, что поэма была написана Третьяковым задолго до публикации.

Как и Третьяков, свои книги для детей младшего возраста собственноручно оформляла Елена Кирштейн. Биографических данных о Кирштейн практически нет. Из предисловия Л. Кормчего к ее первому сборнику стихов «Кристаллы грез» (Рига, 1936) понятно, что она — эмигрантка [Кирштейн 1936, 5]. Лирика Кирштейн на тему Родины изобилует украинскими мотивами. В Регистре жителей Латвии за 1918–1940 гг. числится некая Хелена Кирштейн, родившаяся в Киеве 15 октября 1892 г. и проживавшая в межвоенный период в латвийской Кулдиге. Возможно, это ее стихи, потешки и загадки выпускало большими для Риги тиражами (1000 экземпляров) в конце 1930-х гг. латвийское издательство М. Дидковского. По всей видимости, они пользовались спросом.

Несколько книг Кирштейн были отмечены крошечными рецензиями П. Пильского в газете «Сегодня»: «Чтобы так непринужденно и непосредственно беседовать с детворой, — писал критик, — нужны открытая, живая, недеревянная душа, доверие к детской восприимчивости... <...> „Небылицы“ Елены Кирштейн — хорошая книжка. Она и вышла очень своевременно, перед самыми пасхальными праздниками» [П. 1938, 10].

Спустя несколько месяцев — снова положительная оценка критика:

Маленькие читатели знают этого автора: перед Пасхой Елена Кирштейн выпустила сказку «Небылицы», тоже со своими собственными рисунками, и книжка вызвала сочувствие у детворы, и критики. Сейчас, перед праздниками, вышли две ее новые сказки для малышей. В отношении такого читателя следует больше всего бояться сюжетной нагруженности. Сказка должна быть проста, ясна, элементарна. Ее герои — животные, птицы, звери, т. е. мир, давно обласканный ребяческой душой. И сказки Елены Кирштейн вполне отвечают этим требованиям [П. 1938а, 14].

Проиллюстрированные самой Кирштейн «Русские загадки с картинками» 1940 года снова удостоились внимания Пильского:

«Как это и следует, с педагогической точки зрения, эти загадки незамысловаты, не утомят ребенка, разбудят в нем пытливость и любознательность, представляют собой интересную и познавательную игру. Ими детвора займется с удовольствием» [П-ий 1940, 8].

Посвященный религиозной тематике сборник поэзии Л. Солнцевой, а также интересные, с точки зрения содержания и оформления, книги В. Гейнце «Мурашка» (Рига, 1933) и М. Кисиной «Сказка о маленьких рыбках» (Рига, 1939) не были замечены рижской критикой.

Итак, большинство местных русских авторов, писавших для детей, игнорировалось газетными обозревателями магистральной рижской печати. Объективно это объяснялось малым количеством оригинальных книг для детей (на данный момент обнаружено и внесено в библиографические списки всего 17 наименований за весь межвоенный период). В то же время, пренебрежение к локальной детской литературе со стороны критиков могло способствовать незаинтересованности местных русскоязычных авторов создавать книги для детской аудитории. Необходимо отметить, что сами дети, напротив, включали писателей, обосновавшихся в Риге, в свой круг чтения, а некоторые из русских авторов эмиграции находили путь к юному читателю благодаря публикациям в местной детской периодике [Проскурова-Тимофеева 2021]¹⁷.

Примечания

- ¹ Рижское акционерное общество печатного дела «Саламандра» уделяло особое внимание детской аудитории: в 1925–1926 гг. выпускался журнал для семьи и юношества «Юный читатель», а журнал «Перезвоны» имел постоянную рубрику «Детский уголок», которая выделилась позже в отдельное издание. Однако здесь детские книжные новинки русского зарубежья не обсуждались — регулярно печатались лишь анонсы новых номеров собственных детских изданий «Саламандры».
- ² Парадоксально, но эта статья Л. Кормчего 1922 г. в независимом латвийском издании выдержана в духе его же статьи агитационного содержания, опубликованной в 1918 г. в советской газете «Правда» под заголовком «Забывтое оружие. О детской книге» [подробнее об этом см. Абызов, Тименчик 1990, 111–112; Хеллман 2013, 20–21; Штейнер 2019, 28; Бадин 2020, 38].
- ³ По инициативе бывшего директора этой гимназии А. П. Петрова были отменены два смежных урока и учащимся было предложено написать сочинение на тему: «Мои воспоминания с 1917 г. по день поступления в гимназию». Получившийся материал был исследован преподавателем

этой гимназии В. М. Левитским, изложен в «Бюллетене Педагогического Бюро», а также издан отдельной брошюрой «Воспоминания 500 русских детей» (Прага, 1924). Впоследствии подобный опрос провели сразу в нескольких зарубежных школах для русских детей. Собранные 2403 сочинения были обработаны и стали основой для обзорных и аналитических статей, представленных в книге «Дети эмиграции. Сборник статей под редакцией проф. В. В. Зеньковского» [Зеньковский 1925]. Только в 1997 г. в книге «Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники» были опубликованы полные тексты детских сочинений [см. Петрушева 1997].

- 4 Публикация «воспоминаний русских детей» — важная веха в осмыслении травматического детского опыта педагогическими и, шире, интеллектуальными кругами русского зарубежья. Отдельную обеспокоенность вызвала проблема, отчетливо проявившаяся в детских сочинениях и обозначенная как «денационализация юного поколения». Этой теме были посвящены программные заявления Педагогического Бюро в 1924–1925 гг.. Обеспокоенность достигла своей кульминации в 1926 г., когда в начале мая в Париже было подписано «Воззвание русских писателей, ученых, артистов и художников», в котором были определены основные задачи воспитания нового поколения русских эмигрантов. Одним из наиболее эмоциональных выступлений на эту тему стала статья А. Амфитеатрова «К русскому обществу» (1928), в которой прозвучали известные слова: «Дайте же русским детям хоть какую-нибудь реализацию утешительного мифа» [Амфитеатров 1928].
- 5 Справедливости ради, необходимо отметить, что это не первое издание книги Ремизова. Впервые «Посолонь» увидела свет в 1907 г. в России, в издательстве «Золотое руно».
- 6 В мае 1927 г. рижская газета «Слово» перепечатала статью Саши Черного (из парижского «Возрождения») о важности русской классики в круге чтения ребенка-эмигранта: «И вы, напрягая память и отвечая на важные детские расспросы, благодарно восстановите черту за чертой уплывающую необъятную картину — Россию» [Черный 1927, 4].
- 7 В статье перечислялось издаваемое в Советской России: «Если пересмотреть списки детских книг, продающихся в книжных складах государственного издательства: то можно увидеть, что для младшего возраста переизданы Андерсен, русские народные сказки, некоторые сказки Пушкина, [неразборчиво; скорее всего, „Перро“], сказки Гримма и др. Из новых авторов пробуют свои силы Эмиль Кроткий („Шиворот-навыворот“, „Веселые стихи про Васины грехи“), Венгеров („Зверушки“, стихи маленьким), Мексин („Зайка“). В отделе для среднего и старшего возраста опять-таки Андерсен, Кот-Мурлыка, Мамин-Сибиряк, Соловьева, Стивенсон, а в особенности Томпсон-Сэтон, все старые любимцы и знакомцы. По-видимому, государственное издательство, по коммерческим соображениям, считаясь с потребностями

и вкусами, вынуждено переиздавать старые популярные книги. Впрочем, и тут надо сделать оговорку. Совершенно не переиздаются книги исторического характера: исторические повести, романы. Исключение сделано для Алтаева. Кроме старых его исторических рассказов, теперь появились его новые произведения: „Атаман Стенька Разин“, „В огне восстания“ и др. Очевидно, тенденция Алтаева считается достаточно революционно-социалистической» [В. Л. 1923, 5].

- ⁸ Автор статьи отсылает к рассказу Ф. М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке». Рассказ печатался рижскими периодическими изданиями в преддверии Рождества.
- ⁹ Николай Огнев — псевдоним М. Г. Розанова (1888–1938). В конце 1920-х гг. в Риге отдельными книгами были изданы его повести: «Дневник Кости Рябцева» (Рига: Грамату драугс, 1928) и «Костя Рябцев в ВУЗе» (Рига: Грамату драугс, 1929).
- ¹⁰ В начале 1930-х гг. «Дневник Кости Рябцева» стал популярным чтением среди левонастроенной части этнических латышей, что беспокоило местные власти. Из интервью Язепа Эйдуса, участника коммунистического подполья Латвии: «...когда мне было 15 лет, в 1931 г., я вступил в подпольный комсомол. <...> Все, о чем писала советская пропаганда, я принимал за чистую монету. Советские книги, газеты, радио — это было для нас свято. А всю антисоветскую пропаганду, все, что писала популярная в то время рижская газета „Сегодня“, латышская, немецкая печать, мы считали ложью. Переубедить нас было невозможно. Мы читали взахлеб „Дневник Кости Рябцева“ Огнева. Вы слышали о такой книге? Еще „Костя Рябцев в вузе“, где как раз говорилось о новых советских методах обучения» [Борщова 1989, 48].
- ¹¹ Придуманная и собранная советским детским писателем, педагогом и основателем Музея детской книги Яковом Мексиним и архитектором, педагогом и автором идеи Детского музея-дворца Александром Зеленко в 1929 г., передвижная выставка советской детской книги годом позже побывала в Таллине, Риге, Берлине, Гамбурге, Праге, Вене, Цюрихе. Устроители выставки предлагали детям «исправлять» и доделывать экспозицию, экспериментировать в каждом из разделов и включаться в работу выставки на правах участников, экскурсоводов и критиков.
- ¹² Пригласивший выставку советской детской книги в Латвию парламентарий и известный латышский педагог Карлис Декенс (Kārlis Dekēns, 1866–1942) последовательно, начиная с 1905 г., придерживался социал-демократических идей, в независимой Латвии был виднейшим деятелем «левого» Союза учителей, не чурался связей с Советской Россией. Левая педагогическая пресса Латвии проявила к выставке пристальный интерес.
- ¹³ П. Пильского и К. Чуковского связывали давние личные отношения. Оба сотрудничали в дореволюционном издании «Свободные мысли»

- [подробнее см. Абызов 1996, 193]. Критиков в шутку называли «господа Чукопильские» [см. Шебуев 1927].
- ¹⁴ В то же время критик отмечал дороговизну детских книг и отсутствие литературы для девочек: «В этом году их [детских книг] меньше, чем прежде: война и тут наложила свою руку. <...> Да, вздорожали и детские книги. Западноевропейский книжный рынок замер, поднялся курс. Отмечу характерный факт. Часто в книжные магазины приходят матери с просьбой дать книжку для девочки. Когда-то это желание удовлетворялось легко. Сейчас таких специальных книг нет» [Пильский 1939, 4].
- ¹⁵ Подобная оптика не позволяла рижским критикам разглядеть в советской детской литературе 1920–1930-х гг. отчасти экспериментальное пространство для талантливых писателей и иллюстраторов, а для некоторых — единственно «дозволенную» сферу творчества.
- ¹⁶ Ср.: «Сегодня в гимназии О. Н. Лишиной устраивается „Вечер сказки“, на котором Виктор Третьяков скажет о значении сказок и стихов в детской жизни и прочтет недавно законченную им сказку-поэму „Дед Лесной“. Начало в 5 час. вечера. Билеты при входе» [Вечер сказки 1930, 12].
- ¹⁷ Разбросанные по страницам рижской гимназической прессы свидетельства говорят о том, что в библиотеке Рижской городской русской средней школы пользовался спросом С. Минцлов, работавший в Риге с 1924 г. [Бот 1929, 20], а в школьных литературных конкурсах в качестве призов фигурировали сочинения рижского писателя-эмигранта Ю. Галича [Литературный конкурс 1926, 19]. Такие авторы, как Л. Кормчий и В. Гадалин обрели аудиторию благодаря детским периодическим изданиям. В 1925–1926 гг. Л. Кормчему было вверено редактирование журнала для семьи и юношества «Юный читатель» акционерного общества печатного дела «Саламандра», где из номера в номер печатались его рассказы, а отдельным приложением к журналу выходил его роман «Серый домик». В 1927 г. Л. Кормчий самостоятельно издавал журнал «Новый читатель» (вышло всего два номера), где начал публиковать свой новый роман «Исчезнувший остров». Гадалин в 1939 г. непродолжительное время вел рубрику «Для детей» в журнале «Для вас», где преимущественно печатал короткие пьесы собственного сочинения.

Литература

Источники

Аверченко 1924 — Аверченко А. Страшная книга // Сегодня. 1924. № 149, 6 июля. С. 2–3.

- Аверченко 1924a* — Аверченко А. Страшная книга // Сегодня. 1924. № 150, 8 июля. С. 2.
- Амфитеатров 1928* — Амфитеатров А. К русскому обществу // Колос. Русские писатели русскому юношеству. Шавиль: Изд. Общежития для русских мальчиков в Шавиле, 1928. С. 15–19.
- Бобринская 1924* — Бобринская В. Детская литература // Русская зарубежная книга. Прага: Ком. русской кн. изд-ва Пламя, 1924. С. 110–111.
- Борщова 1989* — Борщова Е. «Энергия заблуждения» // Родник. 1989. № 8 (32), авг. С. 48–53.
- Бот 1929* — Бот И. Школьная библиотека // Школьные годы. 1929. № 15. С. 20.
- В. 1938* — В. [Рецензия] // Сегодня. 1938. № 88, 30 марта. С. 10. Рец. на кн.: Третьяков В. Дед лесной: сказка. Рига: Филин, 1937. 14 с.
- В. Л. 1923* — В. Л. Книга для детей // Сегодня. 1923. № 286, 22 дек. С. 5.
- В. Т. 1934* — В. Т. Русская литература в Латвии // Русские в Латвии. Ч. 2.: Сборник «Дня русской культуры» / под ред. В. В. Преображенского. Рига: Издание Комитета по устройству «Д. Р. К.» в гор. Риге, 1934. С. 110–112.
- Вечер сказки 1930* — Вечер сказки // Сегодня. 1930. № 282, 12 окт. С. 12.
- Г. М. 1930* — Г. М. Мамзель Фрикассэ на одном колесе. Советская пропаганда под флагом выставки детской книги // Сегодня. 1930. № 257, 17 сент. С. 8.
- Галицкая 1935* — Галицкая Н. Книжный прилавок перед Рождеством // Для вас. 1935. № 52, 21 дек. С. 11.
- Дети на сцене и в зрительном зале 1940* — Дети на сцене и в зрительном зале // Сегодня. 1940. № 82, 23 марта. С. 6.
- Детская книга в Советской России 1925* — Детская книга в Советской России // Сегодня. 1925. № 286, 19 дек. С. 6.
- Задонский 1925* — Задонский А. Детские книги на Рождество // Сегодня. 1925. № 286, 19 дек. С. 6.
- Зеньковский 1925* — Дети эмиграции: сборник статей / под ред. В. В. Зеньковского. Прага: Издание Педагогического Бюро по делам средней и низшей русской школы за границей, 1925.
- Кириштейн 1936* — Кириштейн Е. Кристаллы грез. Рига: К. Е. Krastiņa argāds, 1936.
- Книжный голод 1920* — Книжный голод // Сегодня. 1920. № 103, 9 мая. С. 4.
- Л. К. 1922* — Л. К. О детской книге // Наше будущее: [приложение к газете «Рижский курьер»]. 1922. С. 7.

- Линковский 1921* — Линковский В. Русская книга на книжном рынке Латвии // Русская книга. 1921. № 9. С. 14–16.
- Линковский 1922* — Линковский В. Русская книга в Латвии и валютные условия // Новая русская книга. 1922. № 1. С. 33–34.
- Линковский 1922a* — Линковский В. Книжный рынок в Латвии (письмо из Риги) // Новая русская книга. 1922. № 5. С. 25–26.
- Литературный конкурс 1926* — Литературный конкурс // Школьная нива. 1926. № 2. С. 19.
- М. Г-н. 1926, 1* — М. Г-н. Правда // Сегодня. 1926. № 195, 2 сент. С. 1.
- Н. Н. Т. 1924* — Н. Н. Т. Детская литература // Сегодня. 1924. № 284, 13 дек. С. 6.
- Ник. Бережанский 1925* — Ник. Бережанский. Плевок в детскую душу // Слово. 1925. № 37. С. 3.
- Никдель 1936* — Никдель. Как живут женщины в СССР // Для вас. 1936. № 18, 2 мая. С. 20.
- П-ий 1940* — П-ий. [Рецензия] // Сегодня. 1940. № 12, 13 янв. С. 8. Рец на кн.: Русские загадки с картинками: в 2-х кн. / сост. и худож. Е. Кириштейн. Рига: М. Дидковский; Тип. «Рота», 1939. 8 с.
- П. 1938* — П. [Рецензия] // Сегодня. 1938. № 90, 1 апр. С. 10. Рец. на кн.: Кириштейн Е. Небылицы / рис. Е. Кириштейн. Рига: М. Дидковский; Тип. «Стар», 1938. 16 с.
- П. 1938a* — П. [Рецензия] // Сегодня. 1938. № 349, 18 дек. С. 14. Рец. на кн.: Кириштейн Е. Заинька Вавака / рис. Е. Кириштейн. Рига: М. Дидковский; Тип. «Рити», 1938. 8 с.; Кириштейн Е. Кувырчалочка: сказка / рис. Е. Кириштейн. Рига: М. Дидковский; Тип. «Рити», 1938. 18 с.
- Пильский 1921* — Пильский П. О детях, об одном слоне, о Коте-Мурлыке и разных других вещах // Сегодня. 1921. № 293, 23 дек. С. 2.
- Пильский 1939* — Пильский П. Детям на Рождество // Сегодня. 1939. № 347, 16 дек. С. 4.
- Распоряжение 1937* — Распоряжение // Латвийский государственный исторический архив. Ф. 3724. Оп. 1. Ед. хр. 770. С. 1–2.
- Ремизов, Черный, Городецкая 1930* — Ремизов А., Саша Черный, Городецкая Н. Книга. Что читать детям? Анкета «Сегодня» // Сегодня. 1930. № 354, 23 дек. С. 8.
- Русская книга на чужбине 1922* — Русская книга на чужбине // Сегодня. 1922. № 105, 12 мая. С. 3.
- Скальбе 1924* — Скальбе К. Сказки: с биограф. очерком и портр / К. Скальбе; под ред. и с предисл. В. Гадалина. Рига: А.Гульбис, 1924.

Скальбе 1929 — Скальбе К. Вечный студент: [сказки]: с биогр. очерком и портр / К. Скальбе; под ред. В. Гадалина. Рига: Книжная лавка писателей, 1929.

Трубников 1934 — Трубников П. Новые детские книги // Сегодня. 1934. № 352, 21 дек. С. 8.

Черный 1927 — Черный А. Наши дети // Слово. 1927. № 536. С. 4.

Шебуев 1927 — Шебуев Н. Господа Чукопильские. Раннее утро. 1908. № 317.

Яценко 1921 — Яценко А. Русская книга после октябрьского переворота // Русская книга. 1921. № 1. С. 2–7.

Немо 1926 — Немо. [Рецензия] // Перезвоны. 1926. № 11. С. 314. Рец. на кн.: Дети эмиграции: сб. ст. / под ред. проф. В. В. Зеньковского. Прага: Изд. Педагогическ. Бюро, 1925.

Исследования

Абызов 1996 — Абызов Ю. Петр Пильский. Опыт столичной и провинциальной биографии // Балтийский архив. Т. 1. Русская культура в Прибалтике. Таллинн: Авенариус, 1996. С. 189–201.

Абызов, Тименчик 1990 — Абызов Ю., Тименчик Р. История одной мистификации: Факты и гипотезы // Даугава. 1990. № 9 (159), сент. С. 108–117.

Бадин 2020 — Бадин Ж. Преступление и наказание в творчестве Л. Ю. Короля-Пурашевича // Kultūras studijas XII. Noziegums un sods literatūrā un kultūrā / глав. ред. Шашулане А. Даугавпилс: Издательство Даугавпилсского университета «Сауле», 2020. С. 37–50.

Димяненко 2018 — Димяненко А. Детская книга русского зарубежья в Европе, 1920–1956-е гг.: дис. канд. филол. наук: 05.25.03. / Санкт-Петербургский гос. ин-т культуры. Санкт-Петербург, 2018.

Петрушева 1997 — Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники / сост. Л. И. Петрушева. М.: Терра, 1997.

Проскурова-Тимофеева 2021 — Проскурова-Тимофеева О. «Элементарное родиноведение»: тема родины в изданиях для детей и юношества рижского акционерного общества «Саламандра» в середине 1920-х годов // Rusistica Latviensis. Георгий Адамович и... (К проблеме изучения культуры русской диаспоры). Посвящается памяти Олега Анатольевича Коростелева (1959–2020). Рига: Академическое издательство Латвийского университета, 2021. [Вып. 9]. С. 138–150.

Раев 1994 — Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции, 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994.

Хеллман 2013 — Хеллман Б. Детская литература как оружие: творческий путь Л. Кормчего // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920–1930-е гг.): сборник статей / сост. Балина М. и Вьюгин В. СПб.: Алетейя: Историческая книга, 2013. С. 20–45.

Штейнер 2019 — Штейнер Е. Что такое хорошо: идеология и искусство в раннесоветской детской книге. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

References

Abyzov 1996 — Abyzov, Yu. (1996). Petr Pil'skiy. Opyt stolichnoy i provintsial'noy biografii [The case of metropolitan and provincial biography]. In Baltiyskiy arkhiv. Kn. 1. [Baltic Archives] (B. 1, pp. 189–201). Tallinn: Avenarius.

Abyzov, Timenchik 1990 — Abyzov, Yu., Timenchik, R. (1990). Istoriya odnoy mistifikatsii: Fakty i gipotezy [The story of a hoax: Facts and hypotheses]. Daugava, 9 (159), 108–117.

Badin 2020 — Badin, Zh. Prestupleniye i nakazaniye v tvorchestve L. Yu. Korolya-Purashevicha [Crime and punishment in the works of L. Yu. Korol-Purashevich]. Kultūras studijas XII. Noziegums un sods literatūrā un kultūrā [Cultural Studies XII. Crime in punishment in literature and culture], 2020, 37–50.

Dimianenko 2018 — Dimianenko, A. (2018). Detskaya kniga russkogo zarubezh'ya v Evrope, 1920–1956-ye gg. [Children's books of the Russian Diaspora in Europe, 1920–1956] (doctoral dissertation). Saint-Petersburg State University of culture and arts, Sankt-Petersburg.

Petrusheva 1997 — Petrusheva, L. (Ed.) (1997). Deti russkoy emigratsii. Kniga, kotoruyu mechtali i ne smogli izdat' izgnanniki [Children of the Russian emigration. The book that the exiles dreamed of and could not publish]. Moscow: Terra.

Proskurova-Timofejeva 2021 — Proskurova-Timofejeva, O. (2021). “Elementarnoye rodinovedeniye”: tema rodiny v izdaniyakh dlya detey i yunoshstva rihzskogo aktsionernogo obshchestva “Salamandra” v seredine 1920-kh godov [“Elementary homeland studies”: the topic of homeland in publications for children and youth by Rīga publishing house “Salamandra” in the mid 1920s]. In Rusistica Latviensis. Vyp. 9. Georgy Adamovich i... (K probleme izucheniya kul'tury russkoy diaspor). Posvyashchayetsya pamyati Olega Anatol'yevicha Korosteleva (1959–2020) [Rusistica Latviensis. Issue 9. Georgy Adamovich and ... (On the problem of studying the culture of the Russian diaspora). Dedicated to the memory of Oleg Anatolyevich Korostelev (1959–2020)] (Vol. 9, pp. 138–150).

Rayev 1994 — Rayev, M. (1994). Rossiya za rubezhom. Istoriya kul'tury russkoy emigratsii, 1919–1939 [Russia abroad. The history of the culture of the Russian emigration, 1919–1939]. Moscow: Progress-Akademiya.

Hellman 2013 — Hellman, B. (2013). Detskaya literatura kak oruzhiye: tvorcheskii put' L.Kormchego [Children's literature as a weapon: the creative path of L. Kormchiy]. In Balina, M., V'yugin, V. (Eds.), "Ubit' Charskuyu...": paradoksy sovetskoy literatury dlya detey (1920–1930-ye gg.). Sbornik statey ["To kill Charskaya...": paradoxes of Soviet literature for children (1920-1930s). Collection of articles] (pp. 20–45). Sankt-Petersburg: Aleteya.

Steiner 2019 — Steiner, E. (2019). Chto takoye khorosho: Ideologiya i iskusstvo v detskoj rannesovetskoy knige [What is good and what is bad: Ideology and art in the early Soviet children's book]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.

Olga Proskurova-Timofejeva

University of Latvia; ORCID: 0000-0003-2502-7640

RUSSIAN-LANGUAGE CHILDREN'S BOOKS OF THE 1920S AND
30S IN CRITIQUE (ON THE MATERIAL OF RIGA INTERWAR
PERIODICALS)

The article represents an analysis of the Russian-language children's book reviews published in the interwar Riga's major Russophone press. In 1920s and 30s, children's literature relatively rarely got an attention of the newspaper reviewers. Usually the importance of reading for Russophone youth was brought to light before upcoming holidays, e.g., Easter or Christmas. Most often critics offered reviews of the books published in the centers of Russian emigration (Berlin, Paris). Since the mid-1920s Russian émigré circles were deeply concerned about the denationalization of the younger generation and stressed the lack of efforts to distribute children's books in "Russia Abroad". The attitude of the Riga critics towards imported from the USSR children's literature demonstrated chronological change: from sharply negative in the early 1920s to rather favorable in the end of the studied period. Until the mid-1930s, the works of Soviet authors were graded by the reviewers from positions opposite to the ideology of Bolshevism; since the mid-1930s there was a gradual expansion of the recommendation lists of the Soviet children's books in the Latvian Russophone press. Only Korney Chukovsky enjoyed the constant favor of Riga-based critics. Local Russophone authors, who wrote for children, were mostly neglected by the book reviewers of major newspapers. Objectively, this might be explained by a small amount of original content production for the Latvian Russophone children. However, such disregard by the reviewers could also contribute to the disinterest of the local Russophone writers, who settled in Riga after the exile from the post-revolutionary Russia, in producing more content for children.

Keywords: children's book reviews, Russophone émigré children's literature, interwar Latvia, interwar Riga, Petr Pilsky, Korney Chukovsky, newspaper «Segodnya»